

МГИМО МИД России
Центр Военно-политических исследований

ПОДБЕРЁЗКИН А.И.

Доклад

**СТРАТЕГИЯ США
В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ НОВОГО ТИПА
И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РОССИИ**

Москва, 2024, декабрь

СТРАТЕГИЯ США В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ НОВОГО ТИПА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РОССИИ

Стратегия США в 2025–2030 годы будет развиваться в условиях образования новой системы международных и военно-политических отношений, и нового миропорядка, который будет формироваться под влиянием двух важнейших тенденций в политике отдельных субъектов МО — глобализации и автаркии, развивающихся в последние годы и в будущем крайне неравномерно в разных регионах, противоречиво и с разной интенсивностью и результативностью.

Исключительно важное значение в этом процессе будет иметь стратегия США как безусловного лидера широкой коалиции стран, продвигающих в мире тенденцию глобализации. Поэтому принципиально важно изначально **понимать** лицам, принимающим решения, что является **главным приоритетом целеполагания** в стратегии США в мире и, в частности, в отношении России. Это вызывает самые серьезные, иногда даже полярные, расхождения в среде российских политиков и специалистов и, как следствие, последующие решения в политике страны (особенно среди тех либеральных политиков и политологов, которые к настоящему времени слишком быстро превратились в патриотов-государственников и даже националистов).

Главное в этой субъективной оценке политики США — **признание (непризнание)** стремления правящей элиты США к достижению экзистенциальных целей в отношении России — ликвидации, в конечном счете, суверенитета и национальной идентичности, получение контроля над ресурсами, — которое неизбежно **предполагает, в конечном счете, ее «стратегическое поражение» — капитуляцию.**

Без этого признания и однозначной дефиниции актуальности угрозы со стороны Запада невозможно получить даже примерное представление о реальной американской стратегии, а не ее медийной или околонучной политологической интерпретации. И, тем более, сделать необходимые системные выводы и шаги по противодействию этой угрозе потому, что требуется простой **ответ на совсем не «простой вопрос»: как США и их союзникам победить ядерную державу (Россию), если ее победить в войне с применением ядерного оружия нельзя в принципе?**

Прежде всего, необходимо признать, что экзистенциальный характер современного военно-силового противоборства с США говорит в пользу того, что оно в войне «преследует самые решительные цели». В том числе **принципиальный отказ** от равноправного понимания будущей системы международной безопасности, как сказал директор ФСБ А. Бортников, «ин-

клюдивной» системы международной безопасности с участием стран Глобального Юга и Востока»¹.

В отличие от некоторых других войн, где преследовались более частные цели и решались ограниченные задачи. Это не война в Индокитае (и другие военные конфликты с США XX века), даже не кризис 1962 года на Кубе потому, что полномасштабная война уже идет на территории России. Вопрос о том, насколько решительными будут цели этой войны, однако, до настоящего времени остается открытым, в том числе и потому, что постоянно возникают идеи переговоров и компромиссов. Где границы, однако, этих компромиссов? Пока что позиции России и Запада принципиально разнятся. Промежуточные варианты и компромиссы теоретически возможны, но проблема в том, что они пока что не устраивают США.

В этой связи возникает вопрос о понимании той рациональной стратегии США в отношении России, которая не предполагает глобальной войны. Ответом на этот вопрос может стать только вывод о том, что настойчивые усилия США по разрушению нашей страны могут быть только известным и апробированным способом, который в истории уже ими применялся, — **дестабилизацией и уничтожением нашего государства изнутри и хаотизацией международной и военно-политической обстановки (МО-ВПО) извне.**

Военная сила в данном случае выступает в качестве средства принуждения России к прямому военно-силовому противоборству с Западом **на его условиях**, прежде всего, — на территории «не-Запада», и за счет «не-Запада», в том числе «за счет Украины и России». В частности, по правилам эскалации, которые они уже несколько лет используют на украинском ТВД. Иначе говоря, нам навязали алгоритм такого силового противоборства, который **не предполагает наших** активных инициативных, фактически самостоятельных, действий. В этом случае единственный реальный вывод о прогнозе развития МО-ВПО и стратегии США, к сожалению, неутешителен: можно только согласиться с А. Бортниковым, полагающим, что нам, «безусловно, нужно быть готовыми к любым силовым сценариям противоборства провокациям».

Вместе с тем, в этом общем сценарии эскалации силового противоборства возможны и вероятны **различные варианты**, которые порой могут в существенных деталях отличаться друг от друга. Практическое значение стратегии США в отношении России — внутривнутриполитическая дестабилизация России — заключается в том, что если невозможно нанести военное пора-

---

¹ «Формируется многополярное политическое и экономическое пространство и создается новая, “инклюзивная” система международной безопасности с участием стран Глобального Юга и Востока», — сказал А. Бортников на XX заседании Совещания руководителей органов безопасности и разведывательных служб (СОРБ) государств — участников СНГ. По словам главы ФСБ, этому противится коллективный Запад во главе с США, который стремится сохранить свое доминирование и продолжение хищнической колониальной политики.

жение России, обладающей эффективным потенциалом СНВ², то остается единственный «практический» способ — **разрушить ее изнутри** посредством силовой внутривнутриполитической дестабилизации и внешнего силового политического принуждения к изоляции, принуждения к отказу от сотрудничества с Россией ее партнеров и союзников, то есть «выпадения» России из основного процесса формирования нового мирового («инклюзивного») порядка на периферию. Возможное лидерство России в формировании нового миропорядка среди многочисленных государств, противостоящих США и их коалиции, — важнейшая угроза для Запада.

Это может произойти, в том числе, за счет усиления военного и экономического давления на Россию и роста ее прямых и косвенных военных издержек. В частности, в ходе военного конфликта с Украиной. По оценкам СИПРИ, например, в 2023 году Россия значительно увеличила расходы на военные нужды на **24 процента**, что в 2023 году составило, по их оценкам, **\$109 млрд**. Эта цифра также составляет **16 процентов** всех затрат бюджета страны. Важно, что за это же время расходы Украины достигли **\$64,8 млрд**, (годовой скачок составил **51%**), что свидетельствует о том, что Киев занимает **восьмое место в мире по величине военных расходов**.

В совокупности военные расходы Украины, а также военная помощь в размере «не менее» \$35 млрд, в основном от США и других международных партнеров, составили около 91% расходов России (в эти цифры SIPRI не включены новые \$60 млрд новой помощи США, включая \$13,8 млрд на пополнение запасов США, после того как Палата представителей приняла дополнительные \$95 млрд весной 2024 года)³.

Примечательно, что к концу 2024 года в США и странах ЕС были приняты решения о выделении дополнительных средств Украине. Иными словами, расходы России и Украины на войну (включая иностранную помощь) не только **вполне сопоставимы**, но, может быть, на Украине и более велики.

Эффективность стратегии США и их союзников против России и главного противника — КНР — зависит, в конечном счете, не столько от США, **сколько от позиции правящих элит государств, против которых она направлена, способных нередко к эффективному противодействию во всех областях**. Иначе говоря, выбор эффективной стратегии противодействия зависит в максимальной степени от понимания того, насколько активно и эффективно защита национальных интересов государств и конкретные дейст-

---

² Невозможность в настоящее время уничтожить потенциал России не означает отказ от создания такого потенциала в будущем — противоракетной обороны, массированного строительства ВТО повышенной дальности и пр.

³ *Мартин Т.* Мировые военные расходы достигли «исторического максимума» в 2.4 трлн долл.: отчет СИПРИ. Срочные военные новости, 22 апреля 2024 // <https://breakingdefense.com/2024/04/global-military-spending-hits-all-time-high-of-2-4-trillion-sipri-report/>

вия должны противостоять такой политике. Это означает, что эффективная стратегия России и ее точное целеполагание, зависит не только от прямого военно-силового противодействия политики США, но и от адекватного понимания защиты национальных интересов и их реализации. В частности, от важности понимания степени самодостаточности и автаркии во всех областях жизнедеятельности государства⁴. Включая, прежде всего, внутреннюю политику, культуру и науку.

Хорошим примером такой сбалансированной политики может служить политика Индии, которая умело, сочетает возможности ускоренного национального развития и уверенной защиты национальных интересов. К сожалению, капитуляция советско-российской элиты перед Западом в прошлом веке практически лишила Россию возможности проводить самостоятельную политику. Возвращение суверенитета и национальной самодостаточности стоит России дорого. В отличие от России политика США в отношении Индии вынуждает их осторожно относиться к усилению влияния на Индию, не допуская «излишеств» гегемонизма, характерных для американской внешней политики. Как заметили в ведущем американском издании «Форин Аффэйрс» в декабре 2024 года, «Не так уж много общего у президентств Билла Клинтона, Джорджа Буша-младшего, Барака Обамы, Дональда Трампа и Джо Байдена. Исключением является то, что при всех пяти президентах партнерство США с Индией углублялось. Каждый из них оставлял связи США с Индией в лучшем состоянии, чем он нашел. ... Чтобы ориентироваться в этом новом ландшафте, Нью-Дели будет стремиться защищать свои интересы, даже углубляя свое соответствие Соединенным Штатам, и одновременно будет инвестировать в укрепление связей с другими партнерами, пытаясь не допустить разжигания своей холодной войны с Китаем и наращивая свои собственные экономические, военные и технологические возможности»⁵.

В современных условиях, когда Россия «отказалась от политики до 2022 года», новая политика формируется при самых неблагоприятных внешних обстоятельствах противоборства с широкой американской коалицией, ставящей радикальные цели в отношении России.

Это предполагает, что правящей элите России неизбежно предстоит сделать такой же **однозначный выбор**: **капитуляция** (временное перемирие и пр. промежуточные соглашения на условиях Запада будут только маскировкой реализации реальных намерений США), либо **победа в войне**, ко-

⁴ Такой синтез развития и противоборства фактически сформулирован в Стратегии национальной безопасности России, утвержденной Президентом Указом № 400 от 2 июля 2021 года.

⁵ Мадан Т. Индия надеется на усилении е Трампа / Foreign affairs? 5 Dec., 2024 // https://www.foreignaffairs.com/india/india-hoping-trump-bump?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=The%20Trump%20Administration%E2%80%99s%20China%20Challenge&utm_content=20241206&utm_term=

торая будет неизбежным результатом эскалации на самых высших уровнях стратегического противоборства.

Этот неизбежный предстоящий выбор практически уже делит правящую элиту России на несколько частей, каждая из которых будет пытаться проводить собственную политику. Естественно, что часть элиты будет ориентирована, как и раньше, на «Запад». Этот выбор неизбежно поставит всю нацию перед экзистенциальным решением в пользу одной из частей элит. По сути дела, перед Россией предстоит «выбор Ксенофонта»⁶ уже применительно к собственной элите⁷.

В маловероятном случае общего (консолидированного) признания всей элитой страны этой опасной цели США и их коалиции, Россия должна предложить, **во-первых**, такую национальную стратегию, которая должна соответствовать этим реалиям, требующей внятного и достаточно категорического ответа, не допускающего иных толкований. Такой ответ может быть только на еще не окрепшем фундаменте развития автаркии во всех областях.

Во-вторых, неизбежно предстоит заставить всю политическую элиту и общество следовать этому выбору даже под угрозой репрессий. На Украине этот выбор был подкреплён самыми варварскими мерами в отношении всех несогласных.

В-третьих, этот выбор будет во многом зависеть от точной и максимально адекватной **оценки и прогноза долгосрочной внешнеполитической стратегии США в отношении и России** (что было ошибочно сделано при М. Горбачеве и Б. Ельцине). Такая антироссийская стратегия США, на мой взгляд, состоит из следующих основных положений:

Оценки стратегических целей США в мире. Представляется, что еще в конце второго десятилетия нового века в США ставились следующие военно-политические задачи, «реалистичность» которых в настоящее время все более очевидна. В частности: еще в конце XX века в США планировалось, что **к 2025 году США и западная коалиция должны были бы взять под полный контроль развитие МО в мире**, что неизбежно предполагает решение следующих наиболее важных и критически рискованных собственно военных задач:

1. Пересмотра отношений в рамках западной военно-политической коалиции в пользу США на двусторонней основе с целью повышения возможностей (политических, военных, экономических, информационных и пр.) использовать в своих интересах не только союзников по НАТО, но и союзников, и партнеров по всей широкой коалиции.

---

⁶ Надо признать, что такой выбор Зеленский сделал уже в 2022 году, уничтожив не только оппозицию, но и оппонентов.

⁷ «Выбор Ксенофонта» — зд.: нравственный выбор в пользу решительных действий на войне и в мирной жизни. Был сделан Ксенофонтом в пользу решительного прорыва греческих наемников из окружения любой ценой.

2. В эти же годы США смогут использовать, либо даже дезинтегрировать те союзы, организации и договоренности, которые могут препятствовать этой цели (ТПП, ТАП или ЮНЕСКО, ООН и пр.). Надо признать, что к 2025 году эта задача фактически была решена, хотя некоторые детали остались не завершёнными, но могут быть завершены в краткосрочной перспективе.

3. До 2024 года США и их союзники планировали взять под контроль оставшиеся вне их полного контроля и влияния страны и регионы (Иран, КНДР, РФ и др.), либо максимально дестабилизировать в них внутривнутриполитическую ситуацию, внести хаос и лишить их способности к самостоятельной внешней политике. Это должно было означать, что государства не смогут в будущем оказать организованного сопротивления. Эту задачу ни к 2021, ни к 2025 году решить не удалось, хотя политика США в этом направлении постоянно усиливалась, а эскалация нарастала.

4. По отношению к локальным человеческим цивилизациям (ЛЧЦ) и новым центрам силы планировалось продемонстрировать максимальную способность и готовность применения силовых (прежде всего, **невоенных** – информационных и иных) средств и мер с целью принудить их следовать курсу западной коалиции. Эта политика «силового принуждения» будет максимально близка к политике силового шантажа. Надо признать, что такая стратегия проводилась, хотя ее эффективность для разных стран оказалась разной. В целом США удалось создать силовой фон давления на все государства, но степень их сопротивления оказалась эффективной по-разному.

5. Наконец, по отношению к России, как наиболее актуальному противнику, **планировалось полностью завершить подготовку перехода от силовой политики к военной политике**: создана соответствующая военнотехническая база, подготовлены «облачные противники» и союзники, дестабилизирована внутривнутриполитическая ситуация (в том числе с помощью санкций) и т.д. Надо признать, что эти планы были реализованы, но противодействие России во многом нейтрализовало их эффективность. Более того, вынужденный поворот в сторону автаркии привел Россию к ускоренному развитию в 2022–2024 годах.

С этой точки зрения можно предположить, с высокой степенью вероятности, что наименее вероятный вариант — («Оптимистический»), — **предполагающий мирное сосуществование России и США**, не будет реализован в ближайшем будущем, как он не был реализован после 2021 года (как и прогнозировалось не раз с 2014 по 2021 год). Этот «Оптимистический» вариант сценария — самый «мягкий» вариант военно-политических отношений, — который предполагал, что после 2021 года силовое противостояние **не будет не только формально, но и фактически переходить границы и превращаться в прямое и открытое вооруженное противостояние**. Иными словами, этот вариант допускал не просто продолжение противостояния на уровне 2014–2021 годов, но его усиление, эскалацию на силовом,

но **невоенном уровне** параллельно с сохранением определенного уровня отношений между США и Россией.

По сути дела, начавшийся «переходный период» в трансформации МО-ВПО в 2021–2024 годы **не может избежать военно-силового противоборства** и соответствующего варианта развития военной политики США и их союзников. В «переходный период» наиболее вероятен только «реалистический» вариант сценария, — когда военно-силовое противоборство с РФ получит дальнейшее развитие даже по сравнению с 2024 годом и не только в области санкционной политики, но и прямого вооруженного противостояния, в том числе в отдельных регионах, а именно:

- в Закавказье и на Кавказе;
- Молдавии и Приднестровье;
- Белоруссии (в частности, выборах президента в 2025 году).

Эта политика будет:

- во-первых, сопровождаться активными действиями экстремистских, террористических и иных организаций при поддержке западных ССО на различных ТВД: прежде всего, юго-западном (украинском), кавказском, среднеазиатском;

- во-вторых, когда силовое противоборство перерастет в противоборство на новых ТВД (в киберпространстве, космосе, социальных сетях и пр.);

- наконец, в-третьих, этот «реалистический» вариант может перейти в открыто «пессимистический», когда силовое противоборство превратится в масштабное военное противоборство на разных ТВД, и на разных уровнях военного конфликта, либо войны, вполне допускается, хотя военно-политические риски его реализации и крайне опасные неизбежные последствия неизбежно будут заставлять относиться к нему с осторожностью.

Уже говорилось, что во многом решающее значение при выборе того или иного варианта из этого сценария будет иметь политика правящей элиты США, которая в 2016–2024 годы продемонстрировала свою крайнюю агрессивность. Но не только от нее будет зависеть реализация того или иного варианта — реализация того или иного варианта этого сценария, на мой взгляд, будет зависеть от самых различных внешних факторов, причем не только политических или военных, но и социальных, технологических, информационно-когнитивных и пр., формирующих ВПО. Таким образом, наиболее вероятный вариант базового сценария развития ВПО и американской стратегии на ближнесрочную перспективу 2-3 лет предполагает развитие «Варианта № 2 базового сценария и стратегии США на перспективу 2025–2030 годов.

Делая такую оценку и прогноз политики «Запада», нужно исходить, на мой взгляд, из следующего:

Первое. Изменение в соотношении сил в мире не в пользу США, в конечном счете, объективно ведет к ослаблению их позиций в мире, «размыванию» контрольного пакета по управлению планетой. Этот стратегический внешне-

политический вывод в США сделали еще в 1970-е годы в ходе нескольких длительных периодов обсуждения будущего состояния миропорядка ведущими специалистами и экспертами разведсообщества и Минобороны страны. В итоге договорились о том, что решить вопрос о том, чтобы в будущем **сохранить американский контроль** в мире можно только при реализации в долгосрочной перспективе **трех принципиальных стратегических установок**, которые легли в дальнейшем в основу стратегии США, и которые необходимо иметь в виду России при планировании внешней политики:

— в стратегической перспективе было признано, что необходимо формирования **широкой проамериканской коалиции**, опираясь на систему многочисленных двусторонних соглашений и договоренностей, которая состояла бы из нескольких «окружностей» в зависимости от близости отношений с США;

— было признано необходимым при любых обстоятельствах сохранение **военно-технологического** и, в конечном счете, **военно-стратегического** превосходства США;

— в основу всей американской политики было положено требование постоянной и усиливающейся **дестабилизации внутривнутриполитического состояния не только противников, но и потенциальных оппонентов, и даже союзников США**, «размывания» их идентичности, единства правящей элиты и способности проводить активную внешнюю политику.

Кроме того, важным элементом политики США становилась сознательная и целеустремленная **хаотизация всего международного порядка** и ослабления его **институтов**. С помощью этих средств и методов предполагалось сохранить контроль со стороны США и максимально использовать мировые природные и человеческие ресурсы в будущем⁸. Пример — дестабилизация обстановки в Сирии в конце ноября 2024 года. Роль США здесь проглядывается прежде всего, потому что они в последнее время пытаются играть на нескольких досках этой шахматной игры — на Украине, на Ближнем Востоке, и поглядывая на Дальний Восток. А здесь, видимо, это делать очень непросто, и они действительно захотели в момент, когда фронт вот-вот может быть прорван, поставить российское военное руководство перед той же самой дилеммой трудности работы на нескольких плоскостях — на украинской и на ближневосточной, на сирийской.

Второе. Современная МО характеризуется резким обострением отношений между практически всеми субъектами — участниками МО-ВПО. Но не только. Почти все современные государства заняли ту или иную сторону противоборства между «коллективным Западом» и новыми центрами силы — Россией, Китаем и другими странами, прежде всего, такими круп-

---

⁸ Глава ФСБ призвал консолидировать усилия по защите ЕАЭС // ТАСС, 26 ноября 2024. URL: <https://tass.ru/politika/22496225>

ными и претендующими на усиление своей роли в мировой политике, как Индия, Турция, Египет, Пакистан.

Фактически мир оказался разделенным на два больших лагеря — между активными участниками двух военно-политических коалиций, и огромным числом государств, **которые продолжают выбирать, чью сторону в начавшемся конфликте выгоднее занимать**. Причем позиция ряда крупных субъектов МО (Индии, Индонезии, Египта, КСА и др.) до конца не ясны. США не только сейчас, но и при Д. Трампе будут пытаться радикально влиять на этот выбор. Примечательна угроза Д. Трампа странам — членам БРИКС в ответ на их попытку ослабить зависимость от американского доллара, когда тот пообещал «лузерам отлучение от американской экономики».

Но и внутри этих лагерей сохранилась и даже стала усиливаться борьба между сторонниками доминирования глобализации и автаркии. В том числе и в США, где сформировалось два основных лагеря, которые делятся не столько по партийному принципу (тот же племянник Д. Кеннеди — традиционной семьи влиятельных демократов, который поддержал Д. Трампа), сколько **отношению к автаркии** — национальным интересам, системе ценности, национальному бизнесу и прагматизму политики и роли США в мире.

Во многом эти «традиционалисты» опираются на политическую философию Гамильтона, которая состоит из трех основных принципов: Гамильтоновский подход — это не жесткая система или идеологическая смиренная рубашка. Это **способ прагматического мышления** в политике, которые, вероятно, лягут в основу политики Д. Трампа и республиканцев. Но не только. Очевидно, что и в других западных странах — членах коалиции нарастает такой прагматизм, основанный на:

- взаимосвязи между требованиями рыночного капитализма,
- требованиях внутренней политики и
- реалий международной системы.

Он предлагает сильное, но ограниченное федеральное правительство, которое благоприятствует развитию процветающего делового сектора внутри страны и содействует безопасности и торговле США за рубежом. Внутренняя политика должна основываться на надежной финансовой системе и глубоком, но не жестком или доктринерском принятии прорыночной экономики. «Внешняя политика должна основываться на здравом смысле (особенном **прагматизме** — А.П.) смеси политики баланса сил, коммерческих интересов и американских ценностей»⁹.

Другой лагерь — глобалисты-либералы, которые нередко выступают как моралисты-экспансионисты, пытаясь навязать свои системы ценностей

---

⁹ *Мид У.Р.* Возвращение гамильтоновского государственного управления. Грандиозная стратегия для беспокойного мира // Форрин Аффэарс, 20 августа 2024 г. URL: https://www.foreignaffairs.com/united-states/return-hamiltonian-statecraft-walter-mead?utm_medium=newsletters&utm_source=twofa&utm_campaign=T

и нормы, что неоднократно вело к ошибкам и провалам во внешней политике США, а после окончания холодной войны — частым коррективам внешнеполитической стратегии и ослаблению преемственности. Эта часть правящей элиты отнюдь не отказалась от своих претензий. Более того, предложила новую «универсальную» мировую повестку дня.

В отношении России, как представляется, ключевым принципом в американской политике, прежде всего внешней, будет сочетание национальных интересов, интересов бизнеса и прагматизма, т.е. «гамильтоновского подхода». Это будет в минимальной степени зависеть от конкретных лиц — политиков и дипломатов, военных и бизнесменов, но опираться на **политическую философию прагматизма**, которая периодически становилась в США из влиятельной, доминирующей. Термин «Оптимизация» — ключ к пониманию сути политики США в Европе, в том числе, и в отношении к России¹⁰.

Важно понимать, что в стратегии США Украина, Россия, даже Китай и отдельные союзники США — **не субъекты мировой политики**, с которыми нужно развивать равноправные отношения, а **объекты американского политического прагматизма** во внешней политике, также как Европа и все другие страны. Формула «То, что хорошо для бизнеса (интересов США), хорошо и для государства» — будет доминирующим принципом внешней политики США.

Этот политический подход предопределяет стратегию США в мире и в отношении России. Война с Россией **рассматривается Западом в качестве долгосрочного военно-силового противоборства (контролируемой эскалации)**, которое должно завершиться полным поражением нашей страны, где может и не быть традиционных соглашений и промежуточных договоренностей о капитуляции. Но, если таковые появляются, то **только в качестве прагматического тактического хода стратегии США**.

Либо постепенного лишения России ее суверенитета, когда она просто постепенно потеряет суверенитет, территориальную целостность и контроль над своими ресурсами, как практически произошло в 1990-е годы, когда Россия фактически превратилась в полуколониальную державу. Такое поражение не требует формальной капитуляции. Просто меняется политический режим и контроль над политикой и ресурсами фактически переходит к Западу.

Естественно, что такая стратегия США и их союзников находится в постоянном развитии. На мой взгляд, ее фактические рамки были заложены еще в начале 1990-х годов и позже реализовывались всеми администрациями США на двухпартийной основе, то есть она имеет **долгосрочный, последовательный и согласованный в правящей элите страны характер**. Если

---

¹⁰ Этот вывод был сделан в прогнозе развития ВПО на 2024 год, который позже целиком подтвердился. См.: *Подберёзкин А.И., Тупик Г.В.* Изменения в международной и военно-политической обстановке после начала специальной военной операции на Украине. М. : МГИМО-Университет, 2024. — 603 с.

сознательно не преувеличивать значение декларативных факторов и влияния внешних сил на представителей политической и научной элиты России, то можно предложить достаточно формализованный сценарий развития современной ВПО и стратегии США и возглавляемой ими коалиции в нескольких конкретных вариантах, представляющих наиболее вероятные перспективы на 2025–2030-е годы, являющиеся логическим развитием долгосрочного прогноза (и подтвержденного в дальнейшем), сделанного в 2013 году¹¹. В частности на 2024–2025 годы.

В феврале–марте 2024 года в специальной работе, посвященной наиболее вероятной стратегии США и НАТО на СВО¹², была предложена такая схема наиболее вероятного развития сценария ВПО и его конкретных вариантов в 2024–2025 годах, которая позже полностью подтвердилась и актуальна в настоящее время. В частности, **наиболее вероятным базовым сценарием** развития ВПО был указан сценарий нарастающей «Эскалации военно-силового превосходства» в нескольких его наиболее вероятных вариантах, из которых до осени 2024 года, очевидно, практически реализовывался «Вариант № 1» — **«Инерционное продолжение развитие эскалации», заложенный в предыдущие (2014–2023) годы.**

В стратегии США и НАТО на Украине, например, на 2024 год особенные акценты делались на следующих 3-х принципиальных особенностях такого варианта сценария:

— **«оптимизации»** силового давления на Россию, предполагающей смену наступательной тактики на «активную оборону», требующую меньше материальных и человеческих ресурсов, которых к концу 2023 году стало критически не хватать (исходили из того, что такая тактика потребует в 3-4 раза меньше ресурсов, чем наступательные «порывы»¹³;

— **расширение террористических операций** и ударов по мирному населению с целью вызвать недовольство населения в России;

— **эскалацию поставок ВТО разных типов** (нарастающей дальности и качества) с увеличением возможностей поражения районов в глубине территории России.

Эти основные **особенности** варианта базового сценария полностью подтвердились (поставки ВТО, террористические операции и пр.) к осени

---

¹¹ Впервые этот сценарий развития на 2014–2025 годы был предложен в НИР и нескольких работах автора, опубликованных в 2014–2022 годы. В последующие годы он уточнялся. См.: Подберёзкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности: монография. — М. : Издательский дом «Международные отношения», 2023. — 1594 с.

¹² Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии. М. : ВАГШ, 2024. С. 20–59.

¹³ В этом смысле «рывок» в августе 2024 года на Курскую АЭС выпал из утвержденной стратегии.

2024 года. При этом уже летом 2024 года была заметна тенденция перехода в рамках этого базового сценария от действующего варианта к «Варианту №2» — **«Усиление военно-силовой эскалации и распространение ее на другие регионы» как внутри России, так и за ее пределами.**

Эта тенденция просматривалась с начала 2024 года и угрожала стать реальностью уже в начале осени 2024 г. по мере распространения ее на Армению, Грузию, Молдавию, Белоруссию и Казахстан, а также другие регионы, включая Юго-Восточную Азию и Ближний Восток. Это может означать только одно — **сознательный перевод военно-силового противоборства с Россией из регионального в глобальный масштаб.** Это будет означать неизбежный сдвиг в военно-силовом противоборстве с Россией в направлении Китая. Акценты в военной политике США последних лет, включая особенные отношения в АТР с Великобританией, Австралией и Японией, а также другими странами, это подтверждают.

Параллельно происходило продолжение усиление давления на Россию «по всем азимутам» «не военного» силового противоборства — от торгово-экономического до спортивного и культурно-образовательного — с целью изолировать Россию от внешних потенциальных партнеров и союзников, которых США пытаются вовлечь в прозападную коалицию. Дальнейшая история показывает, что прогнозировавшийся вариант сценария подтвердился окончательно к осени 2024 года. Это хорошо видно на примере схемы, опубликованной в феврале 2024 года¹⁴.

Таким образом, как видно из инерции сценария, предложенного в начале 2024 года, в ближнесрочной перспективе 2025–2030 годов наиболее вероятным рассматривался вариант эволюции **«ЭСКАЛАЦИИ ВОЕННО-СИЛОВОГО ДАВЛЕНИЯ С РАСШИРЕНИЕМ АКТИВНОСТИ ПО ПЕРИФЕРИИ РОССИИ»** на территории — Кавказ, Средняя Азия, Молдавия-Приднестровье, Закавказье, Прибалтика, наконец, Сирия и АТР.

Оформившиеся в 2024 году военно-политические тенденции в мире и в американской политике, вероятно, **получат свое развитие в 2025 году** при доминировании республиканцев в США и в части правящей элиты на Западе, ориентированной в большей степени на усиление автаркии, — прежде всего акцентов на национальных интересах и ценностях. Сохраняется стратегическая цель — уничтожение, в конечном счете, суверенитета России и раздела ее территории, которая делится фактически на решение **серии последовательных «тактических» задач:**

— смены правящей элиты;

¹⁴ Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии. М. : ВАГШ, 2024. С. 20–59.

- ограничения суверенитета;
- размывания идентичности;
- раздел государства;

— контроль над ресурсами, которые делятся на еще большее число более частных задач. Причем, каждому этапу из этой серии задач должны соответствовать именно **свои средства насилия** (политические, экономические информационные, иные), в том числе, военной силы (ВВСТ) и формы использования военной силы. Например, ВТО большой дальности или даже КР МБ и иные неядерные стратегические средства.

В реальности в ходе войны на Украине в 2022–2024 годы мы отчетливо увидели, как планомерно **повышалась степень силовой и военной эскалации**, когда от использования «нелетального» оружия и стрелкового вооружения произошел переход к ствольной артиллерии, применению РСЗО, затем армейской и фронтовой авиации, кассетных боеприпасов и ВТО большой дальности. По сути дела, на Украине к декабрю 2024 года использование ВВСТ достигло высшей точки, когда осталась одна «красная линия» — массированное нанесение ударов по центрам в глубине России с помощью ВТО большой дальности, что означает фактически применение неядерного стратегического оружия против России. Эти «ступени эскалации» на будущее можно прогнозировать достаточно отчетливо:

— возможное увеличение еще до прихода Д. Трампа поставок ВТО большой дальности разных типов, имеющих в запасе в США и странах НАТО (например, АТАКМС последних модификаций, как минимум, более 500);

— переход к поставкам в ближайшем будущем в 2025 году новых модификаций ВТО, обладающих повышенной точностью и мощностью, например, АТАКМС (6-7 модификаций);

— в итоге в 2025 году не исключаются поставки КР МБ большой дальности «Томагавк» для судов ВМС Украины (эти КР существуют только в морском варианте базирования)¹⁵ или поставки новых типов БР и КР повышенной точности¹⁶. Едва ли США передадут Украине свои ТБ В-52. Также крайне маловероятно, что в составе ВМС Украины в обозримом будущем появятся состарившиеся американские военные корабли, которые будут не эффективны в акватории Черного моря. Поэтому обсуждать имеет смысл только «Томагавки» наземного базирования, и тут есть минимум два варианта.

---

¹⁵ Такой вариант крайне маловероятен для бассейна Черного моря. Ракеты способны летать на высоте 30-50 метров на дозвуковой скорости. При этом Block IV и Block V поражают цели на расстоянии до 1600 километров.

¹⁶ Итого по данным на 2016 год у ВМС США может быть одновременно установлено от 4671 до 7743 КР «Томагавк» на более чем 120 надводных и подводных носителях. При наличии соответствующего числа таковых, и за счёт иных видов вооружения. Причём в универсальные ПУ США может быть загружен строго один вид ракет для одного носителя.

Первый — это наземные мобильные пусковые установки *Thurphon*, разработанные сразу же после выхода США из ДРСМД. Конструктивно это наземный вариант корабельной вертикальной пусковой установки *Mk41*, который может запускать крылатые ракеты «Томагавк» или многоцелевые зенитные ракеты *SM-6*. Первая — американская *MDTF* уже появилась в США, вторая — в Германии, третья — на Гавайях. Не исключено, что следующей может оказаться Западная Украина. Официальная дальность действия этого наземного комплекса составляла 2780 километров, что давало ей возможность наносить удары глубоко в пределах территории СССР, а низкое радиолокационное сечение значительно затрудняло бы перехват, даже если бы запуск был обнаружен вовремя. Второй вариант — это наземная версия морского комплекса ПРО *Aegis Ashore*, которая уже имеется в Польше и Румынии. Ключевой особенностью данной системы является его двойное назначение. В базовой версии «американская Эгида» оснащена 24 зенитными противоракетами *SM-3 Block IV*, но при необходимости она может быть переоснащена на ударные крылатые ракеты большой дальности семейства «Томагавк», способных нести, в том числе, ядерную боевую часть. Речь может идти о размещении на территории Украины элементов американской системы ПВО/ПРО, как это уже было сделано в Польше и Румынии. В качестве причины для такого шага Киев может аргументировать необходимостью прикрытия своих инфраструктурных и военных объектов от российских воздушных комбинированных ударов. Буквально в течение суток зенитные противоракеты в пусковых установках «Иджис Эшор» могут быть заменены на крылатые ракеты «Томагавк».

После победы на выборах Д. Трампа и республиканцев, а также внутриполитических изменений в странах ЕС и ряде других государств в 2024 году, вполне естественным встал вопрос о вероятном развитии ВПО в мире и на Украине в 2025 и последующих годах. Нарастающая на Западе критика войны на Украине, однако, не должна переоцениваться в России. Процесс формирования русофобской политической повестки дня, отнюдь не закончился, а смена стратегии США и возглавляемой ими коалиции, — не планируется.

В настоящее время представляется, что планируемое развитие может быть в соответствии с предыдущим вариантом сценария, который может быть дополнен несколькими **тактическими изменениями**. Можно считать, что «алгоритм военно-силового противоборства с Россией», предполагающий нарастание эскалации, не переходящей в применение ТЯО, а, тем более, обмен ударами СНВ, **вполне удачен и эффективен с точки зрения правящей элиты США.**

Во-первых, продолжением поставок ВТО повышенной дальности (более 300 км) вплоть до поставок новых БР и КР с дальностью порядка 1000 км и усилением поставок БПЛА и организацией их производства на Украине (повышенной дальности более 1000 км), а также постепенным переходом к поставкам КР промежуточной дальности и «Томагавк». Потенциально это означает угрозу массированного применения КР МБ и других ВТО в ударе

по России с разных стратегических направлений, который может быть начат поэтапно, в соответствии с планом эскалации — сначала с направления Европы и стран ЕС, из Средиземноморья, а затем и из районов Индийского и Тихого океанов. По признанию одного из руководителей Сухопутных сил США в декабре 2024 года, «За последние несколько лет армия разрабатывала четыре других снаряда PrSM, в целом предназначенных для замены армейской тактической ракетной системы MGM-140 (ATACMS) и запускаемых как из высококомобильной артиллерийской ракетной системы M142 (HIMARS), так и из РСЗО M270A2»¹⁷. С 2026 года будет начата разработка 6-ой модификации этой ракеты. В настоящее время войска находятся в процессе получения первых снарядов «Increment 1»¹⁸ от Lockheed Martin, которые, как утверждается, позволят поражать цели на расстоянии не менее 500 км.

Иными словами, возможно продолжение уже оформленной тенденции эскалации с поставками и использованием F-16 и ВТО малой и (по нарастающей) средней дальности.

Во-вторых, организацией массового производства ВВСТ на Украине и в странах ЕС, подготовки военнослужащих, набора наемников, инструкторов и других специалистов по всему миру. Это будет означать постепенный перенос акцентов военно-силового противоборства на союзников США в ЕС, а в перспективе и в АТР — Японию, Великобританию, Австралию. Важно помнить, что современная политическая цель противоборства с Россией — экзистенциальная (стратегическая и радикальная) — уничтожение, в конечном счете, суверенитета и целостности, а до этого — ослабление России и установление контроля над ее политикой и ресурсами, ВСУ отводится роль непосредственного военного исполнителя (но это только одно из силовых средств Запада), с помощью которых предполагается уничтожить государство, экономику и общество¹⁹.

Либерально-глобалистская идеологическая цель не предполагает промежуточных (прагматических или реалистических) итогов, кроме поэтапного ослабления и развала России, что требует концентрации не только ресурсов США и их союзников, но и других субъектов и акторов. В этом смысле 2024 год стал годом концентрации усилий всей западной коалиции для того,

---

¹⁷ Роке Э. Армия. Армия рассматривает новое оружие PrSM Inc. 5 для стрельбы с автономных пусковых установок на дальность более 1000 км. Срочные военные новости. 4 декабря 2024 // https://breakingdefense.com/2024/12/army-eyeing-new-prsm-inc-5-weapon-to-fire-from-autonomous-launchers-beyond-1000-km/?utm_campaign=BD%20Daily&utm

¹⁸ Технологические достижения, включая потенциальное применение технологии прямого воздушного реактивного двигателя, могут увеличить дальность действия оружия до 1000 км (620 миль). Эта ракета была успешно испытана в 2023 году и начала поступать на вооружение

¹⁹ National Military Strategy of the United States. 2022 [Электронный ресурс] URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/NMS%202022%20_%20Signed.pdf (дата обращения: 15.01.2023).

чтобы обеспечить не только ВСУ, но и всю коалицию необходимыми ресурсами для борьбы с Россией.

В-третьих, предполагается возможность «принуждения России к переговорам» с целью оптимизации усилий США и их союзников, в частности, получения тактической паузы для перегруппировки ВСУ, накопления боеприпасов и ВВСТ, и переподготовки мобилизованных граждан для нужд ВСУ.

В-четвертых, эти направления будут в обязательном порядке дополнены усилением давления на партнеров и союзников России с тем, чтобы ослабить или даже прекратить их сотрудничество с нашей страной. Естественно, что у членов широкой западной военно-политической коалиции против России цели внешней политики полностью не могут совпадать, в том числе и главная цель — силовое сдерживание развития и развал России. Анализ позиции союзников и партнеров Украины (реальных и потенциальных), входящих в эту коалицию против России на стороне Украины, и вероятные формы их участия в военно-силовом противостоянии с Россией, будет не полным, если ограничиться исследованием позиции только тех субъектов мировой политики, которые традиционно рассматриваются в качестве главных союзников Украины — США и страны — члены НАТО.

Феномен современной войны на Украине заключается в том, что помимо главных союзников США удалось привлечь в коалицию, ориентированную на длительный срок противостояния с Россией, значительное число других субъектов. Налицо концентрация совокупной мощи Запада и зависимых от него акторов. Если согласиться, что общей целью такой коалиции является противодействие развитию России и создание благоприятных условий для собственного развития, то понимание общей цели и участие в ее достижении будет разным у всех участников. Если для США, например, смысл, заключается в том, чтобы заставить своих союзников-конкурентов максимально поучаствовать в войне, ослабив их позиции в мире, что объективно укрепляет роль США в новом миропорядке, то у многих союзников такой цели быть не может.

Применительно к войне на Украине, это «средство» предполагает в том числе:

- ограничение экспортных возможностей страны;
- сдерживание развития науки, культуры и образования, отток человеческого капитала и др.;
- сдерживание технологического развития (санкции);
- ограничения на темпы социально-экономического развития

и наконец, **в-пятых**, огромное значение приобретает задача **внутриполитической дестабилизации России**. Причем одновременно в нескольких областях, но, прежде всего, в социально-экономической. Применительно к России — это предполагало откровенное инициирование новой угрозы неизбежных сокращений расходов на социальные нужды и увеличение эмигра-

ции на Запад. Не случайно В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию России (28 февраля 2024 г.) сделал основной акцент на темпах развития ВВП страны и демографии, а в последние годы — на развитии демографического и технологического потенциалов России.

Вместе с тем обращает на себя внимание важный парадокс — Современная война — это **средство создания максимально благоприятных условий для самостоятельного развития, дальнейшего отхода от абсолютизации глобализации в направлении автаркии.**

Главные выводы:

1. Развитие МО-ВПО в мире для России во многом будет зависеть от ее усилий во внешней и внутренней политике. Противоборство политических сил и объективных факторов, формирующих глобализацию и автаркию, формирующих современную МО и ВПО, будет оказывать сильное влияние на внешнюю политику как США и их союзников, так и других государств. Усиление роли «не-Запада» в экономическом, торговом, финансовом и военном отношении отчетливо видно на широкой коалиции стран — членов БРИКС, доля которых в мировых делах стремительно возрастает. Лидером сил, противодействующих глобализации, становится Россия. В этом ее сильный козырь в будущей системе МО-ВПО, которая неизбежно будет развиваться в направлении вектора автаркии. **Но это лидерство во многом будет определяться способностью к проведению суверенной политики России во всех областях.**

2. Соглашаясь с этим выводом, правящей элите России неизбежно предстоит принять максимально решительные меры в направлении еще **большей ориентации всех национальных ресурсов** и деятельности государственных и общественных институтов на развитие автаркии. Причем, во всех направлениях экономической, финансовой и общественной деятельности, где «доля автаркии» относительно «глобализма» должна решительно возрасти (очень условно, до 90% в образовании, науке и культуре и 80% — в технологиях, до 50% в торговле и финансах).

3. Неизбежное силовое противоборство с «Западом» (который будет пытаться максимально дестабилизировать и взять под контроль политику страны), одновременно в самых разных формах, будет зависеть, прежде всего, от дееспособности национальных — государственных и общественных — институтов (прежде всего, силовых — ФСБ, МВД, ВС и корпораций ОПК, правоохранительных и научно-образовательных), которые будут первоочередными объектами силового воздействия. В этом отношении политика США и их союзников останется традиционной и последовательной с 80-х годов прошлого века, когда в соответствии с такой стратегией подрывались и менялись институты государства и общества в СССР и России: в 80-е годы подрывались силовые институты, МВД («дело Щелокова») и ФСБ («необоснованные репрессии»), в 90-е годы, ВС СССР («Афганский синдром») и экономика,

а общественные институты, созданные в СССР к 90-м годам, в России были фактически все уничтожены.

Медленное и непоследовательное возрождение государственных институтов началось после прихода к власти В.В. Путина и активизации КТО на Северном Кавказе, а общественных — СМИ, общественных организаций и пр. — началось со второй половины первого десятилетия. Причем, этот процесс шел часто не эффективно и коррупционно, а сами институты оказывались нередко не эффективными. Это — главная проблема России в противоборстве с США и их союзниками при республиканцах, которые **будут максимально усиливать влияние своих национальных институтов в мире.**

4. Подобные изменения потребуют решительных корректив в кадровой политике, прежде всего, вывода из активного участия в ней и в работе государственных институтов остатков либеральной правящей элиты. Во многом эти шаги должны быть подкреплены не только организационными, но и политико-идеологическими мероприятиями власти.

5. Следует признать, что низкая эффективность государственного управления в России за последние 40 лет стала следствием, прежде всего, откровенной борьбы правящей элиты страны **против собственных национальных интересов и ценностей, и собственных институтов** (среди которых борьба против КПСС была лишь легальным прикрытием), которая только на самом последнем этапе (после 2022 года) приняла, со стороны власти в России, осознанно, характер противодействия разрушительному внешнему влиянию.

К сожалению, многого сделать в этой области пока не удалось. К 2025 году удалось только остановить эти процессы лишь на некоторых направлениях, но не больше того. Целые области, прежде всего, в национальной экономике, финансах, науке и культуре, образовании и искусстве остаются под контролем внешних сил и используются против национальных интересов и ценностей России²⁰. Простой пример приводит писатель З. Прилепин, иллюстрирующий статистически то, что читают в России: «По самым приближенным прикидкам, 90 процентов книг в России потребляют 10 процентов, условно говоря «либералов», «западников», «сторонников общечеловеческих ценностей». Подавляющее же большинство страны — 90 процентов населения страны, «народ» — едва потребляют 10 процентов книг. **В топ-50 книг нет ни одной книги про СВО, про «русскую весну», там нет ни военной поэзии, ни новых сборников наших легендарных военкоров. Все это оглушительно проигрывает «Книге о деньгах и душевном спокойствии».** Такая в рейтинге есть.»²¹.

²⁰ Подберёзкин А.И. Современная стратегия США и НАТО на Украине // Обозреватель, 2024, май-июнь, № 3 (404), С. 28–46.

²¹ Прилепин З. Оккупация. В чём причина /29 ноября 2024 // https://dzen.ru/a/Z0eYezHf_i4HRIkQ

6. Политическая идеология и документы стратегического планирования (СНБ от 2021 года, Концепция внешней политики, Военная доктрина и пр.) существенно страдают от незавершенности политических и исторических **оценок и прогноза будущего для России**. В частности, с политико-правовой точки зрения, когда «новые» территории не «завоевываются», а «возвращаются», а историческая общность — Российская империя и СССР — рассматриваются как неестественные образования. В этой связи важно сделать **принципиальные выводы**, которых нередко избегает оставшаяся часть либеральная правящей элиты современной России, но без которых дальнейшая эволюция в политике и стратегии страны невозможна:

Первое — развал СССР и жертвы народов нашей страны, потери исторических итогов развития государства в течение нескольких сотен лет и миллионные демографические потери, надо признать, не только как абстрактная «геополитическая катастрофа», а как **преступление** против государства и нации, которое **необходимо исправить**. Другое дело, как исправить эти преступления, каким образом. Но это надо изначально признать: ни Украина, ни Казахстан, ни другие территории бывшей империи и СССР, ни развал ОВД и СЭВ **не были закономерны**. Они — результат деятельности конкретных лиц и должны быть исправлены.

Второе. Эти преступления не абстрактны, но **имеют конкретные фамилии и имена**. И идеологии, и мотивы. Они должны быть названы преступниками, а итоги — преступными. В этом случае все проблемы — от Нагорного Карабаха, Абхазии и Приднестровья до Донбасса, миллионные жертвы, становятся **результатом преступной деятельности конкретных лиц**, некоторые из которых остаются до настоящего времени во власти.

Третье. Справедливую оценку надо дать тем, кто **помогал им** в этой деятельности потому, что и сегодня она выступают в СМИ, учат наших детей и внуков в университетах, пишут книги, ставят спектакли, ведут теле- и радиопередачи и пр. Это в какой-то степени объяснит (но не оправдает) предательство правящей элиты СССР своих союзников и друзей, собственного народа. Важно подчеркнуть, что без этих шагов остановить процесс внутривнутриполитической дестабилизации и хаотизации России не удастся. **Внутри России останутся у власти, либо близко к ней, те, кто разрушал ее**. Более того, этот ресурс может неожиданно «выстрелить» по команде из Вашингтона. И очень сильно и оперативно. Этот разрушительный ресурс во многом остался в России даже после бегства миллионов сторонников глобального либерализма.

